

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

д.филос.н., ординарный профессор,

Национальный университет «Высшая школа экономики» (Москва)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ МЕЖДУ ПРАВОМ И ПОЛИТИКОЙ (Часть 2)

Аннотация. Кризис международного права демонстрирует растущую нестабильность в таких областях международных отношений, как легитимность/легальность, фрагментация/интеграция, правовая асимметрия/симметрия. Потенциал этих изменений настолько велик, что позволяет поставить под вопрос сохранение базового общественного договора — международного консенсуса, достигнутого между сверхдержавами по окончании Второй мировой войны и воплощённого в Уставе ООН и Статуте его Международного суда. Утрата равновесия в международных отношениях означает огромный вызов всей системе международного правосудия, которая должна быть, с одной стороны, гарантом применения международных норм, а с другой — нейтральным и эффективным инструментом правовой медиации между конфликтующими акторами. Обозревая конфликтные тенденции и трудности современного международного правосудия, автор рассматривает перспективы появления нового равновесия, достигаемого комплексом правовых, внеправовых и политических механизмов во имя установления более стабильной системы международного правосудия.

Ключевые слова: *международное право, международное правосудие, международные и национальные суды, конфликт компетенций, уголовная юстиция, переходное правосудие, политика права.*

JEL: K33, K38, K40

УДК: 341, 334.02, 339.9

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_119_133

© А.Н.Медушевский, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Медушевский А.Н.* Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 2) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №3. С. 119–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_119_133.

FOR CITATION: *Medushevskiy A.* International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 2) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 3. Pp. 119–133. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_119_133.

Введение. Конфликт интерпретаций международного права как специальная область исследований

Система международных отношений в эпоху глобализации столкнулась с двумя разнонаправленными трендами: правовой универсализации, связанной с ожиданиями глобального конституционализма, и правовой фрагментации больших регионов, связанной с их растущим стремлением к отстаиванию собственных интересов в формирующейся глобальной повестке правовых преобразований. Первый из этих трендов опирался на политический консенсус ведущих держав, сформировавшийся в рамках Потсдамско-Ялтинской системы международной безопасности и включавший становление основных

международных институтов и универсальных стандартов защиты прав человека — Устава ООН, Всеобщей декларации прав, ЕКПЧ, появление ряда новых акторов глобального конституционализма в виде международных судов, глобальных корпораций, НКО и транснациональных институтов, предположительно составляющих основу нового глобального управления. Наибольшего успеха этот тренд достиг после крушения советского интеграционного проекта в 1991 г. и формирования тогда же (1992 г.) так называемого «однополярного момента», выражением которого стало образование Европейского Союза — интеграционного проекта нового типа, претендующего на то, чтобы стать моделью глобальной правовой интеграции.

Второй тренд — правовой фрагментации — стал следствием роста глобальных диспропорций и правовой асимметрии, последовательно усиливавшейся по мере «расхождения путей» больших регионов мира в понимании ценностей, принципов и целей глобальной интеграции, вплоть до полного отказа отдельных регионов принять тезис об универсальности правовых стандартов или критериев их интерпретации в контексте современных политических и военных конфликтов. Мощная волна консервативной реакции — антиглобализма, популизма и евроскептицизма — стала выражением этой новой ситуации, определив различные модели реагирования региональных правовых систем на вызовы глобализации. Под вопросом оказался не только проект глобального конституционализма, но и содержание международного «общественного договора» — консенсуса ведущих центров силы в отношении международной системы безопасности, определявшего её стабильность во второй половине XX и начале XXI вв. Общим результатом фрагментационного тренда, ныне получившего преобладающее значение, стал кризис легитимности международного права и созданных им институтов — расширение вакуума власти на транснациональном уровне с окончанием «однополярного момента», отказ от принятия единой концепции интеграционных процессов и поиск аутентичных стратегий, выражающих представления о региональной и национальной «правовой идентичности» с упором на возрождение «традиционных ценностей» как реальных, так и изобретённых. Убеждению глобалистов о преобладании международного права над политикой противостоит традиционный Вестфальский тезис о возрождении политики в обеспечении интересов суверенных национальных государств или их союзов.

Конфликт двух трендов — универсализации и фрагментации — далёк от завершения и, во всяком случае, не допускает однозначного решения в пользу одного из них. С одной стороны, процессы глобальной конституционализации не только не исключают, но предполагают определённую региональную фрагментацию как процесс адаптации региональных правовых систем к интеграции правовых порядков. С другой — фрагментация имеет смысл только в контексте интеграционного тренда, поскольку в своём абсолютном выражении она означает наступление правового хаоса и полную утрату международного контроля. Однако на пересечении этих двух трендов возникает особая область дебатов о содержании правовых норм, критериях их интерпретации с позиций интересов как международного сообщества, так и отдельных региональных союзов и национальных государств. Эта область исследований, определяемая как когнитивный конституционализм, концентрируется на вопросах установления смысла правовых понятий, норм и стратегий судебной интерпретации, а также реконструкции декларируемой или не декларируемой мотивации их применения.

С этих позиций в первой части данной статьи был дан анализ конфликта компетенций международных, транснациональных и национальных судов, выявивший проблемные зоны и различия стратегий интерпретации международного права в интеграционных процессах разных регионов мира, идущих с неодинаковой степенью интенсивности [Медушевский, 2025]. Во второй части данной статьи предметом рассмотрения является вероятно самая политизированная область международного права — международное

уголовное правосудие, представленное системой специализированных судов, трибуналов и особых институтов переходного правосудия, отражающих усилия международного сообщества не только в области наказания за преступления, но и восстановления правового порядка, разрушенного в результате внутренних гражданских конфликтов или действий диктаторских режимов. В этой сфере конфликт интерпретаций международного права выражен особенно чётко, поскольку связан не только с различием понимания правовых стандартов, но и с вовлечением в процесс мощных политических игроков, отстаивающих свои интересы как правовыми, так и неправовыми средствами.

Анализ материала двух частей статьи позволяет обсудить ряд общих дискуссионных вопросов: могут ли международные суды предотвратить войны; как соотносятся судебные, квазисудебные и внесудебные механизмы разрешения международных конфликтов; как могли бы выглядеть контуры новой глобальной политики права?

Международное уголовное правосудие: причины обвинений в политической ангажированности

Наивысший уровень политизации характерен для международного уголовного правосудия — Международного уголовного суда (МУС) и трибуналов [*The Politics of International Criminal Law*, 2021]. Роль МУС при его создании вызвала высокие надежды. Модель процесса МУС, зафиксированная в Римском статуте, рассматривается как результат особого научного моделирования, синтеза принципов основных правовых семей¹. Но уже в момент создания этой модели в ней отмечались заложенные структурные ловушки политизации: фильтрационная функция Палаты предварительного судопроизводства (отбор избранными судьями дел, которые должны идти в судебную стадию, зависящий от полноты доказательной базы и её доступности для обвинения и защиты); порядок взаимодействия между тремя палатами Суда (досудебная палата, судебная и апелляция) [*Ушацка*, 2014а; *Ушацка*, 2014б]. Определённые трудности связаны с вопросами подсудности — передачей дела в Суд со стороны СБ ООН, отдельных государств или Прокурора. Каждый из этих институтов имеет определённый информационно-политический, а следовательно конфликтный, потенциал².

После эйфории учредительного периода и вступления в силу Статута МУС в 2002 г. «реальная деятельность стала разочарованием». «Суду, — заявляли критики, — не хватает дальновидности и умелого руководства. Его сотрудники источают разочарование и даже уныние», но «Прокурор МУС склонен отрицать критику, направленную в адрес плачевных результатов деятельности Суда» [*Шабас*, 2012. С.15]. Критика МУС, и в частности его Прокурора, связана с обвинениями в политизации при инициировании и рассмотрении конкретных дел. Здесь фигурируют: попытка соединения политических интересов и уголовного закона в ситуации с признанием Палестинской автономии; факты прямого давления на Суд со стороны отдельных государств (в основном — США), которым, возможно, объясняется отказ Прокурора от рассмотрения жалоб на нарушение Римского статута, совершённых британскими и американскими вооружёнными силами в Ираке или Афганистане, противоречивая практика досудебной выдачи «международного ордера» на арест (начиная с таких политических деятелей, как Каддафи) [*Трикоз*, 2012]. Подходы МУС к определению

¹ МУС оценивался как модель, «универсальная с точки зрения сочетания состязательного и следственного начал» (см.: [*Печегин*, 2020]).

² Прокурор, например, сформулировал неоднозначную установку о допустимости инициирования дел отдельными государствами, вовлечёнными во внутренние вооружённые конфликты, стимулировав практику, способную стать «политическим инструментом, который используется правительствами, желающими ослабить позиции своих оппонентов» [*Ушацка*, 2014а. С. 54].

важнейших преступлений должны быть совместимы с Уставом ООН, но одновременно учитывать подходы в рамках национальных правовых систем, которые ещё далеки от единства [*The Rome Statute...*, 2016]. МУС, ранее концентрировавшийся на Африке, в последнее время распространил свою деятельность на другие страны — Израиль и великие державы, что усилило обвинения в нелегитимности Суда, остающегося в «напряжении между правом и политикой» [*Steinberg*, 2024]. Определение МУС должно быть поэтому согласовано не только с соответствующими нормами международного права, но и с нормами национального законодательства, выражающими официальные позиции государств [*Саяпин*, 2012].

В целом механизмы, заложенные государствами в римский компромисс 1998 г., предопределили, с одной стороны, ограниченность юрисдикции Суда, с другой — его зависимость от политической повестки, что порождает сомнения в его легитимности и эффективности в качестве главного института международной уголовной юстиции. МУС пребывает в поисках баланса между правом и политикой.

Меняющееся место международных трибуналов

Начало международному уголовному правосудию положили, как известно, международные трибуналы в Нюрнберге и Токио, а продолжили созданные Советом безопасности (СБ) ООН трибуналы по Югославии и Руанде. Создание трибуналов в 1990-е гг. приветствовалось как шаг к устранению безнаказанности за совершение наиболее тяжких преступлений. Принятие Римского статута повлияло на создание многочисленных уголовных судов, сочетающих элементы национального и международного правосудия, которым была поставлена задача борьбы с преступлениями, входящими в юрисдикцию МУС [*The Rome Statute...*, 2016]. Они были созданы в Восточном Тиморе, Косово, Сьерра-Леоне и Камбодже. Констатируется, однако, что международные уголовные трибуналы в последнее время зависели от политической воли сильнейших государств и общего международного представления о праве [*The Politics of International Criminal Law*, 2021].

Очень скоро они столкнулись с обвинениями в политической ангажированности. Такая критика часто высказывалась в отношении Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и Миссии ООН в Косово (МООНК), а также КФОР. Имидж операций ООН по поддержанию мира на постконфликтных территориях вообще (Конго, Босния) и на территориях под администрацией ООН (Камбоджа, Косово и Восточный Тимор) значительно пострадал от злоупотреблений полномочиями и других правонарушений со стороны миротворцев. В процессе деятельности миротворческой миссии ООН в Косово (МООНК), исполнявшей с июня 1999 по декабрь 2008 г. функции администрации в этой провинции Республики Сербия, был допущен ряд очень серьёзных нарушений прав человека (массовые убийства неалбанского населения), отражённых в Заключении Правозащитной консультативной коллегии при Миссии ООН в Косово, вынесенном в декабре 2012 г. (подробнее см.: [*Антонов*, 2013а; *Антонов*, 2013б]).

Трудности проведения международного уголовного расследования демонстрируются Международным уголовным трибуналом ООН по Руанде [*Мезе*, 2016]. Целью МТР было рассмотрение преступления геноцида народности тутси в период с 1 января 1994 г. по 31 декабря 1994 г. Работа Трибунала велась длительное время: первый судебный процесс состоялся в городе Аруша в 1997 г., решение по последнему вынесено в 2012 г., а после рассмотрения его результатов Апелляционной палатой МТР в Гааге 2015 г. Трибунал перестал существовать и был заменен Международным остаточным механизмом для уголовных трибуналов (МОМУТ). С учётом длительности этого процесса одной из задач МТР стала историческая реконструкция ключевых событий и фактов по делу. Это ставит проблему того, как МТР писал историю, включая изучение исторических

источников, сбор свидетельских показаний, воспоминаний очевидцев обеих сторон — тутси и хуту, перевод этих показаний с языка киньяруанда на оба официальных языка Трибунала — французский и английский. Но должен ли Трибунал выступать в роли историка?³

Новым словом в теории и практике международного правосудия признаются так называемые *гибридные суды*, в которых сочетаются элементы международного и национального права и, наряду с национальными судьями, принимают участие судьи-иностранцы. Эти суды создавались на постконфликтных территориях с целью привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении военных и иных преступлений. К ним относят: специальные судебные палаты по серьёзным преступлениям в Восточном Тиморе (2000); смешанные судебные коллегии в Косово (2000); Специальный суд по Сьерра-Леоне (2002); Судебную палату по расследованию военных преступлений в Боснии и Герцеговине (2005); Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006) и др.

Примером может выступать Специальный трибунал по Ливану (2007), созданный СБ ООН по запросу правительства Ливана согласно ст. 7 Устава ООН с мандатом по расследованию террористической акции 14 февраля 2005 г., в результате которой были убиты премьер-министр Ливана Рафик Харири и ряд других лиц. Это, как отмечал его председатель, инновационный смешанный трибунал, сочетавший международное процессуальное и национальное материальное право, анализ доказательств, полученных на основе высоких технологий. В его состав входили как международные, так и ливанские судьи, а рабочими языками стали не только английский и французский, но и арабский [Хрдличкова, 2019]. Важнейшей позитивной стороной деятельности гибридных судов считается общее повышение авторитета судебной власти в «разделённых обществах» и гарантии независимости от локальных политических интриг. К негативным сторонам относят конфликт различных уголовно-процессуальных моделей (согласительной и обвинительной); неготовность международных и национальных судей к взаимодействию; общую финансовую уязвимость [Евсеев, 2017].

Отношение к международным уголовным судам претерпело существенные изменения. Оптимистические оценки перспектив институтов международной уголовной юстиции, достигшие вершины с вступлением в действие Устава МУС в 2002 г., сменились с середины 2000-х гг. критикой их деятельности, обвинениями в политизации и призывами к реформированию существующих институтов. Этот тренд, в дальнейшем только набиравший силу, определяется как явление «обратной реакции» по отношению к международным уголовным судам и трибуналам⁴. Констатируется растущая фрагментарность международного уголовного производства и ощущение эрозии легитимности специализированных международных судов *ad hoc* в сравнении с решениями национальных судов.

Проблемы переходного правосудия

Переходное (или транзитивное) правосудие — особый механизм международной политики в сфере защиты прав человека, связанный с решением как юридических, так и политических задач выхода из острых вооружённых конфликтов или репрессивных режимов.

³ Историческое исследование не тождественно юридическому: оно интересуется более протяжёнными цепочками событий, опирается на любой доступный материал (источники), более свободно в выдвижении гипотез. Трибунал, в отличие от работы историка, направлен на выявление индивидуальной вины обвиняемых, проясняя роль каждого из них в геноциде [Мезе, 2016].

⁴ Выход усматривается в «создании единого кодекса уголовно-процессуальных правил в международном праве с целью устранения недоверия в отношении институтов международной уголовной юстиции» (см.: [Нелаева, Сидорова, Хабарова, 2019. С. 93]).

Примеры его применения фиксируются в разных регионах мира, присутствуя в таких странах, как Греция, ЮАР, Восточный Тимор, Сьерра-Леоне, Колумбия, Чили, Аргентина и др., которые столкнулись с проблемой преодоления диктаторского правления. Эта ситуация предполагает сочетание двух целей правосудия — карательной и восстановительной. Если первая более или менее очевидна, то вторая включает ряд специфических задач.

Трудности связаны прежде всего с выяснением и критической проверкой информации — выявлением фактических обстоятельств дела, установить которые непросто. Это обусловлено общим дефицитом информации, доступной Суду и неопределённостью механизмов по обмену информации международных уголовных судов и трибуналов, с одной стороны, и Комиссий по установлению истины — с другой, поскольку это институты, обладающие различными и не пересекающимися функциями и компетенциями. Обобщение опыта Комиссий по установлению истины в разных странах (Сальвадоре, Либерии, Восточном Тиморе, Сьерра-Леоне и др.) позволяет констатировать ряд общих проблем информационно-политического характера⁵.

Другая группа трудностей связана с недостаточным юридическим обеспечением сторон судебного разбирательства, в частности, прав защиты в международных уголовных трибуналах. «Роль защитника, — полагает один из них, — сформулирована нечётко, и едва ли мы можем найти какие-либо руководящие принципы. Международное уголовное процессуальное право предусматривает право обвинения вызывать свидетелей, однако молчит об аналогичной возможности защиты. В отличие от стороны обвинения, защита не может обратиться за поддержкой к властям государств-членов, или искать помощи у международных организаций, таких как Интерпол. За пределами зала судебных заседаний защитника можно запросто игнорировать»⁶.

Третья группа трудностей может быть определена как институциональные барьеры на пути переходного правосудия. Констатируется, с одной стороны, нечёткость взаимодействия различных правовых семей в транзитивном правосудии: если одна часть судей принадлежит к англо-саксонской, то другая — к романо-германской правовой семье. С другой стороны, имеется разрыв в подходах у международных и национальных юристов: привлечение последних может быть связано с необходимостью учёта особенностей местного обычного права, с которым международные судьи могут быть не знакомы. Кроме того, встают проблемы процессуального и доказательственного права, связанные с переводом законодательства на разные языки, привлечением свидетелей, определением степени искренности (или ложности) их свидетельств, необходимостью полагаться на помощь местных властей в сборе доказательств.

Этот вид правосудия сталкивается с рядом специфических организационных проблем, обусловленных ситуацией острого конфликта. Как показывает практика Правозащитной консультативной коллегии при Миссии ООН в Косово, фигурируют следующие трудности: обеспечение минимальных гарантий расследования; трудности проведения расследования международными следственно-оперативными группами. Это неясность законодательства, подлежащего применению на местах, задержка прибытия к месту событий, допустимость собранных доказательств в судебном процессе, доведение необходимой информации до работников на местах, недостаток квалифицированных специалистов с соответствующим

⁵ Среди них: неспособность национальных судов проводить уголовные расследования в силу зависимости от руководства, замешанного в преступлениях; неисполнение рекомендаций Комиссии; зависимость судьбы собранной информации от политической воли; трудности обмена информации между Комиссиями, международными и национальными судами; ограниченность степени влияния Комиссий на работу международного суда; нерешённость проблемы конфиденциальности информации (соблюдение прав обвиняемых и свидетелей может быть поставлено под угрозу); трудности с решением вопроса о возможных политических последствиях обнародования части информации (см.: [Кириш, 2013]).

⁶ Это — мнение защитника: [Владимирофф, 2012. С. 64].

опытом работы, недостаток беспристрастности и непредвзятости в служебной деятельности, масштабы насилия и количество преступлений⁷.

В этом контексте констатируется особая роль политических императивов в данной модели переходного правосудия. Эта сторона дела касается уже самого установления элементов преступления: определения характера конфликта (является он международным или нет); установления инициаторов соответствующих действий (степень вовлечённости официальных институтов и должностных лиц в конфликт); анализ истории развития конфликта (как это было в случае Руанды); критическая проверка достоверности источников информации (например, исходящих от представителей конфликтующих этнических групп); рассмотрение реального баланса политических сил в данном обществе с учётом возможных политических следствий принятого решения⁸.

Следствием этих факторов становится неизбежность компромиссов при осуществлении такого правосудия. Отношения международных судов и национальных властей при расследовании тяжких преступлений, вероятно, вообще по определению не могут избежать политизации. Попытка урегулировать острый конфликт в Колумбии — гражданской войны 1964–2016 гг. — предполагала достижение определённого компромисса между государственной властью и военной оппозицией (FARC). Но частью компромисса по преодолению этого длительного кровопролитного конфликта выступали неформальные гарантии преступникам по замене реальных наказаний условными. Подобные варианты «правосудия ради мира» (Греция, ЮАР, Аргентина, Колумбия, отчасти ряд стран Восточной Европы после свержения диктаторских режимов) превращают его из полноценного судебного процесса в способ более или менее убедительной медиации представлений сторон по возможному выходу из конфликта⁹.

Итак, транзитивное международное правосудие выявляет целый ряд проблем взаимодействия права и политики, формирования правовой культуры, реализации процессуальных стандартов справедливого и независимого правосудия, равенства обвинения и защиты в получении информации, а также прямого или завуалированного сопротивления со стороны элит соответствующих государств. Констатируется опасность превращения международного правосудия (трибуналов) в политический институт одной из сторон внутреннего конфликта или в инструмент мести победителей побеждённым. Она является фактором эрозии легитимности международного уголовного права.

Могут ли международные суды предотвратить войны?

Вопрос о том, могут ли юристы предотвратить мировую войну, уже стал предметом широкой интернациональной дискуссии, но ожидаемо не привёл к однозначному решению. Одни исследователи рассматривают роль международного права и юристов в предотвращении войн как центральную (например, при заключении пакта Бриана-Келлога в 1928 г.) [Hathaway, Shapiro, 2017. P. 423]. Другие, напротив, эту роль ставят под сомнение или вовсе отвергают с позиций реальной политики [Diggelmann, 2018]. В действительности,

⁷ К этому добавляются ошибки или невнимание международных полицейских сил, как это стало ясно в ходе критики «Военного присутствия в Косове» (КФОР) за игнорирование угроз местному населению и запоздалая реакция на них, приведшие к трагическим последствиям [Антонов, 2015].

⁸ Характерно признание участника международных уголовных процессов: «Политика также является фактором, который следует принять во внимание в связи со значимостью обвиняемого (подсудимого): некоторые из них являются «национальными героями» со значительным политическим влиянием» [Владимировф, 2012. С. 68].

⁹ Следовательно, переходное правосудие как юридический компонент мирного урегулирования может быть результативно только при наличии определённых условий — ему должны предшествовать предварительные политические договорённости, желательны заключённые «при участии не просто международных посредников, а влиятельных внешнеполитических игроков, заинтересованных в благоприятном исходе достигнутых мирных договорённостей» [Евсеев, 2020. С. 97].

считают они, соперничество государств никогда не прекращается, и война — естественное его выражение, а международное право способно лишь фиксировать меняющийся баланс сил и отношений после крупных конфликтов до тех пор, пока этот баланс остаётся стабильным. Поставив войну как средство разрешения международных конфликтов вне закона, Устав ООН допустил применение «угрозы силой» государством (или группой государств) на основании мандата СБ ООН. Получить такой мандат возможно исключительно при согласии всех его постоянных членов (Англия, Франция, США, Россия и Китай), каждый из которых располагает правом вето на осуществление таких действий. Поэтому большинство крупных конфликтов и войн XX в. не получили однозначной оценки со стороны ООН, а вопрос о справедливости и законности применения силы в них так и остался нерешённым с позиций международного права.

В условиях холодной войны ведущие государства — США и СССР — неоднократно применяли вооружённые силы, не считаясь с суверенитетом других стран. Война во Вьетнаме, военные конфликты Франции и Алжира, Индии и Пакистана, Израиля и Палестины, операция США в Ираке — это наиболее известные примеры войн, где каждая из сторон выдвигала собственное определение справедливости своих действий и их соответствия международному праву, квалифицируя эти действия как «справедливую войну», «самооборону», «защиту суверенитета», легитимное «право на восстание» или «борьбу с тиранией», а действия противоположной стороны — как «несправедливые войны» и «агрессию» [Walzer, 2007]. Возможность применения вооружённых сил с санкции ООН для остановки или отражения агрессии (в рамках статьи 42 Устава) реализовалась ограниченное число раз — Корейская война 1950–1953 гг., агрессия Ирака против Кувейта в 1990 г., а резолюции СБ ООН, санкционирующие использование силы, затрагивали конфликты за пределами Европы — в Сомали, Гаити, Руанде, Албании, Ираке (война в Заливе). Предметом острых дебатов остаётся легитимность так называемой «демократической интервенции» — использование силы одним государством против другого с целью предотвращения нарушений прав человека — в том числе, без санкции ООН. Всё это — чёткие признаки деградации международного права [Бауринг, 2021]. Предельной остроты раскол позиций в отношении «справедливости» войны представлен в оценках действий НАТО в Югославии, текущих конфликтов в Сирии и Афганистане, Секторе Газа и на Украине [Медушевский, 2023].

В условиях международных кризисов и угрозы войны особое значение приобретает сочетание правовых и политических методов урегулирования конкретных столкновений. Должно ли предотвращение таких кризисов быть делом международных судов или политических властей? И должен ли суд учитывать политическую составляющую их разрешения? Какие, помимо правовых, критерии могут служить обоснованию справедливости принятых решений? Особенно чётко данная дилемма встает применительно к осуществлению временных мер. Сравнительный анализ выявляет разный правовой статус временных мер — когда Суд (до рассмотрения дела по существу) указывает сторонам (государствам) меры, направленные на предотвращение опасности нарушения прав человека¹⁰. На практике они могут быть разделены на два типа — специальных и общих временных мер. Первые (срочные меры) применяются в отношении лица, которому угрожает опасность [Алисиевич, 2014], вторые — в межгосударственных спорах.

В центре внимания оказывается, естественно, Международный Суд ООН, который неоднократно применял данный инструмент для «умиротворения» и «консервации» острых конфликтов — по урегулированию вооружённых конфликтов (Босния и Герцеговина/Сербия и Черногория, Грузия/Россия), разнообразных территориальных споров (Камерун/Нигерия, Камбоджа/Таиланд, Коста-Рика/Никарагуа) и установлению границ (Буркина-Фасо/Мали, Аргентина/Уругвай). В этом ряду стоит ряд решений ЕСПЧ, посвящённых конфликтам России

¹⁰ Этот вопрос стал темой международной дискуссии (см.: [Ковлер, Дегтярев, 2014]).

с Грузией, Молдавией и Украиной. В них представлены противоречия формальных установок и реальности, компетенций Суда и содержания временных мер, доктринальной безупречности и эффективности. Вклад этих решений признаётся экспертами амбивалентным, поскольку Суд не может присвоить себе роль «хранителя мира и безопасности на всей Земле»¹¹.

Меры общего характера порождают целую группу рисков: неточный объём и неясный способ исполнения; неясный способ оценивания их соблюдения государствами и непредсказуемо высокий уровень затрат; политический контекст (могут быть расценены как покушение на национальные ценности и территориальную целостность государств); зависимость от внешних факторов (вмешательства других участников конфликта, контроль за действиями которых отсутствует); неочевидность достижения главной цели (если она состоит в разрешении конфликта, то не может быть достигнута временными мерами); проблематичность с точки зрения принципа суверенитета (временные меры могут рассматриваться как попытка его подрыва). Высказывается сомнение, что разрешение подобных международных конфликтов — вообще дело Суда (а не политических международных организаций), что у ЕСПЧ существует мандат на вмешательство в текущие военные конфликты и сомнение в том, не будут ли принятые решения определяться не правом, а совокупностью «совершенно непредсказуемого набора политических факторов», способных в конечном счёте подорвать легитимность международного суда¹². В центре внимания остаётся проблема исполнения/неисполнения решений международных судов ведущими державами: дизайн контрольного механизма, созданного государствами в рамках определённого договора; уровень соотношения нормативно-правовых и дипломатических методов урегулирования ситуаций неисполнения судебных решений, которые демонстрируют «исключительное разнообразие подходов»¹³.

В целом, остаётся актуальным вопрос о том, способны ли суды предотвратить или остановить вооружённый конфликт между несколькими государствами? Ответ на него в настоящее время — отрицательный. Существование Устава ООН и МС ООН, ЕКПЧ и практики ЕСПЧ, как и аналогичных судов в других регионах, оказалось не способно само по себе решить эту проблему. Это констатируется даже в отношении круга государств, ратифицировавших ЕКПЧ и принявших юрисдикцию ЕСПЧ [Нуссбергер, 2022]. Традиционно высокая роль ЕСПЧ и других международных судов по правам человека в этих условиях оказывается ограничена в силу специфики их мандата (защита прав человека, а не разрешение политических конфликтов между государствами)¹⁴. Отсюда следует ряд других острых вопросов: не может ли неопределённость ситуации привести к разрушению легитимности самих судов; как должен выглядеть баланс приемлемости соответствующих временных или чрезвычайных мер для государств и заявителей, будь то частные лица или государства; каковы должны быть международные гарантии исполнения решений судов, прежде всего МС ООН?

¹¹ В этой ситуации велика опасность размывания границ между пониманием временных мер как общих принципов деэскалации конфликта и их пониманием как набора прагматических мер антикризисного управления (см.: [Фонтанелли, 2014]).

¹² Имеет значение определение критериев ситуации, в которой эти меры должны применяться (критерий опасности нанесения непоправимого вреда или более широкие критерии); классификация таких мер (они могут быть разделены на специальные и общие временные меры); исполнение судебных решений государствами (они могут исполняться или не исполняться государством-ответчиком); процессуальная составляющая (большая или меньшая убедительность аргументации судов при их введении); динамика их применения и политический эффект (расширение области их применения в последние десятилетия может смениться противоположной динамикой) [Дегтярев, 2014].

¹³ Введение международным договором санкций за неисполнение решений — малопродуктивный путь, поскольку он способен спровоцировать государства на выход из международного договора или стать решающим аргументом для третьих стран не присоединяться к нему. Ключом к относительному успеху признаётся поэтому «диалог суда и создавших его государств» [Исполинов, 2017].

¹⁴ Об этом свидетельствует и анализ практики ЕСПЧ [Право европейской конвенции..., 2018; Совесть Европы в действии, 2019].

Судебные, квазисудебные и внесудебные механизмы разрешения международных конфликтов

Требуется соотнести судебные, квазисудебные и внесудебные (политические) механизмы разрешения международных споров. Виды споров, рассматриваемых с участием международных организаций, разнообразны: между международной организацией и её государствами-членами; международной организацией и государствами — не членами организации; международной организацией и негосударственными акторами (международными организациями, физическими и юридическими лицами); между органами международных организаций и членами международной организации. Представлено различие процедур (судебных и несудебных) разрешения споров с участием различных международных организаций, как на универсальном так и на региональном уровне¹⁵. Статус несудебных международных организаций (прежде всего различных структур ООН) определяется значимостью их решений и одновременно их судебным иммунитетом от правовых преследований¹⁶. Стремление государств противостоять влиянию международных организаций по чувствительным для них вопросам на всех уровнях (международном, национальном и институциональном) отражает проблематику поиска альтернативных (судебной) моделей урегулирования споров в виде обращения к несудебным международным организациям, переговорным и арбитражным механизмам.

Своеобразный квазисудебный механизм разрешения споров выработан арбитражным производством. Некоторые новейшие тенденции в его развитии включают переосмысление норм международного права и правозащитных аспектов. Констатируется проблема соотношения между концепцией международно-правовой защиты инвестиций и концепцией «устойчивого развития», которые могут вступать в острое противоречие при обеспечении гарантии правовой определённости, предсказуемости и прозрачности в государственном регулировании; спорность формирования тренда «правозащитного инвестиционного права», который может иметь неоднозначные следствия; поиска консенсуса в отношении самого термина «инвестиция» в двусторонних и многосторонних соглашениях об их защите, поскольку содержащиеся в них определения допускают как традиционную (более узкую), так и новую (более расширенную) интерпретацию значения данного термина; трудность решения вопроса о допустимости приведения в действие арбитражных решений, принятых, но затем аннулированных за границей; определения стандартов «справедливого режима» и «безопасности» иностранных инвесторов [*Shifting Paradigms in International Investment Law*, 2016].

Арбитражные трибуналы способны выполнять правотворческие функции — активно формировать право, демонстрируя сдержанность и активизм¹⁷. В то же время сравнение миссии судей международного суда по защите прав человека и арбитров в инвестиционных спорах выявляет различия в их статусе: первые выполняют единую «защитную» функцию, возложенную на них международным договором, вторые — не выступают

¹⁵ Продвигается создание международной системы разрешения споров с участием международных организаций, которое «позволит избежать ситуаций пренебрежения иммунитетом этих организаций, ставших частыми в последнее время в национальных (внутригосударственных) судах» и ограничить «всеобщий контроль государств над работой международных организаций», затрудняющий их «надлежащее функционирование» [Гуласарян, 2018. С. 41].

¹⁶ Договорные органы, зафиксированные в международных договорах о правах человека, осуществляют функции, которые могут соответствовать функциям судов, а их деятельность может идентифицироваться как «судебная практика», но их акты имеют юридически необязательный характер [Солнцев, Конева, 2013].

¹⁷ Активизм в арбитражном правосудии определяется как способность трибунала выносить так называемые «экспансионистские решения» [Тити, 2015].

в качестве изначального «защитника» одной из сторон¹⁸. Международный арбитраж в качестве специфической системы разрешения споров позиционируется, в противовес национальным судам, как метод разрешения споров, полностью основанный на «дове­рии сторон» друг другу, и прежде всего арбитрам. Но и здесь недоверие к нейтральности и беспристрастности арбитров (несмотря на принцип их «нейтрального гражданства») присутствует. По сути, это часть совокупности инстинктивных предрассудков, связанных с представлениями о взаимодействии правовых культур¹⁹. Несмотря на различие статуса судей (назначаемых государством) и арбитров (назначаемых сторонами спора), проблема доверия является общей, а её решение усматривается в принятии этических кодексов и применении специальных тестов непредвзятости для судей (тест разумного опасения предвзятости) и арбитров (тест реальной опасности предвзятости), различия которых определяются разными стандартами доказывания.

Внесудебный механизм разрешения межгосударственных споров определяется также как *политический*. Примером выступает рассмотрение таких споров в ВТО, где они рассматриваются особым Органом по разрешению споров — политическим органом, в состав которого входят представители всех членов ВТО. Однако на практике спор разрешается либо «третейской группой», либо Апелляционным органом, в который сторона, не согласная с докладом третейской группы, вправе её обжаловать. В настоящее время констатируется отсутствие у ВТО работающего механизма разрешения споров, что ставит вопрос о необходимости создания альтернативного международного апелляционного органа [Трунк-Федорова, 2019]. Наряду с формальным разрешением коммерческих споров в рамках ВТО и двусторонних соглашений присутствует тенденция к появлению особых региональных ценностей и инструментов [Global Constitutionalism..., 2020] в виде, например, учреждения постоянно действующих служб содействия урегулированию споров, отличающихся такими показателями, как нейтральность, меньшая значимость юридических аспектов и низкая ресурсоёмкость [Чанг-фа Ло, 2014].

Рассмотрение баланса судебных и внесудебных механизмов включает выяснение динамики соотношения права и дипломатии в разрешении международных конфликтов [Медушевский, 2023]. Запрос на поиск стабильности не обязательно реализуется по линии правовых институтов. Он может быть связан с трендом к урегулированию споров посредством дипломатии, понимаемой как «совокупность невоенных практических мероприятий, приёмов и методов, применяемых с учётом конкретных условий и характера решаемых задач»²⁰. В этом понимании арсенал дипломатических методов в реальной политике очень широк, простираясь от экономических и информационных способов давления до применения «угрозы силой» [Медушевский, 2020]. Это не ставит под сомнение этическую сторону разрешения конфликтов, но заставляет видеть препятствия [Walzer, 2007]. Вопрос в том, каков определяющий вектор в международных отношениях — движение от дипломатии к праву или наоборот? Ответ не однозначен. Но ясно, что растущее уменьшение доверия к институтам международного правосудия делает дипломатию, подкреплённую силой (в том числе «судебную дипломатию»), более востребованным инструментом международной политики.

¹⁸ Вместо этого они рассматривают спор, который «складывается из взаимных требований сторон и возражений на них» [Сантулли, 2018. С. 123].

¹⁹ Противостоять усилению регионализации и возвращению к эпохе «предвзятых арбитров» должно новое «международное мышление арбитров» — межкультурная, транскультурная или кросс-культурная медиация, в рамках которой «осознание культурных различий и их влияния» в коммерческом арбитраже «должно стать стандартом» [Биллебру, 2016. С. 52].

²⁰ С этим понятием связывают «искусство ведения переговоров в целях предотвращения или урегулирования международных конфликтов, поисков компромиссов и взаимоприемлемых решений, а также расширения и углубления международного сотрудничества» (см.: «Дипломатический словарь». Под ред. А.А. Громыко и др. — М.: Наука, 1984. Т. 1. С. 327).

Заключение: контуры новой глобальной политики права

Фрагментация международного права стала ответом на вызовы глобализации, усугубив сомнения в независимости, справедливости и беспристрастности наднационального (транснационального) правосудия. Идеология прав человека, положенная в основу международного правосудия, сталкивается с растущими препятствиями со стороны мощного популистского тренда, отрицающего принципы либеральной демократии. Растёт осознание дефицита легитимности транснациональных стандартов, норм и институтов глобального управления. Эта система, как стало очевидно сегодня, не смогла предложить действенные механизмы урегулирования международных кризисов. Она не смогла предотвратить войны как метод разрешения международных конфликтов, обеспечить трансформацию недемократических режимов в демократические и остановить появление новых авторитарных режимов нелиберальной демократии по всему миру.

В международном правосудии принципиально определение баланса в соотношении права и политики, общего вектора при разрешении известной дилеммы — юридизация политики или политизация права? Ранее общий вектор однозначно состоял в движении от политики к праву — стремлении к юридизации политики путём расширения полномочий институтов международного и национального правосудия. В настоящее время, по-видимому, возобладал противоположный вектор — движения от права к «реальной политике», выражением чего стали процессы фрагментации, конфликта идентичностей и компетенций международных и национальных судов. Это выражается в понижении уровня дискуссии о правах человека, политизации международного правосудия, наиболее заметно отмечаемые в международном уголовном праве и так называемом переходном (транзитивном) правосудии, вынужденном иметь дело с наиболее острыми ситуациями нарушения гуманитарного права.

Дестабилизация международного права возрождает роль политики как общего «государственного разума» и дипломатии в качестве альтернативного (судебному) механизма разрешения конфликтов. В условиях фрагментации правовых режимов возникает потребность такого толкования правовых норм, которое преодолевает узкие границы нормативизма, включает когнитивный анализ содержания международных конфликтов — их информационной составляющей, мотивации сторон и путей урегулирования. В этой логике требуется переосмысление соотношения судебных, квазисудебных и внесудебных способов разрешения международных конфликтов. Защита прав уступает место защите интересов, юриспруденция — дипломатии, а международное право — политике права, направленной на воспроизводство утраченного глобального консенсуса. Необходим поиск новых универсальных механизмов и стандартов интерпретации международного права и роли транснационального правосудия.

Общие контуры формирования новой глобальной политики права, исходя из этого, предстают в виде ряда последовательных шагов — восстановление (утраченного ныне) политического согласия ведущих центров силы о содержании нового «общественного договора» (на базе существующего, его частичной модификации или принятия нового); сближение их позиций в отношении идеи глобального конституционализма и перспектив его достижения; определение институтов, этапов и средств достижения этой цели; выработка согласованной стратегии трансформации глобального правового сознания, центров его формирования и продвижения в наиболее конфликтных областях правового регулирования и глобального управления; развитие диалога конфликтующих центров мировой политики с целью выработки непротиворечивых интерпретаций ключевых правовых ценностей, норм и правил судебного толкования; усиление роли институтов международного правосудия с параллельным укреплением контроля за выполнением их решений; последовательное разрешение конфликта компетенций

международных, транснациональных и национальных судов; координация судебных, квазисудебных и внесудебных инструментов разрешения международных конфликтов с упором на юридическую дипломатию; преодоление на этой основе кризиса легитимности международного права и его институтов.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Алисиевич Е. (2014). Срочные меры в практике органов межамериканской системы защиты прав человека [Alisievich E. (2014). Urgent Measures in Practice of Inter-American Organs of Human Rights Protection] // *Международное правосудие*. № 4 (12). С. 32–41.
- Антонов А. (2013а). Ответственность Миссии ООН в Косово за нарушения права на жизнь вследствие недостаточно полного проведенного расследования (S.C. v. UNIMK) [Antonov A. (2013a). Responsibility of the UN Mission in Kosovo for Violations of the Right to Life Due to an Insufficiently Completed Investigation (S.C. v. UNIMK)] // *Международное правосудие*. № 2 (6). С. 32–39.
- Антонов А. (2013b). Правозащитная консультативная коллегия при Миссии ООН в Косово — есть ли защита от «защитников» [Antonov A. (2013b). Human Rights Advisory Board at the UN Mission in Kosovo — is there protection from «defenders»?] // *Международное правосудие*. 2013. № 2 (6). С. 101–108.
- Антонов А. (2015). Требования проведения «эффективного расследования» преступлений и некоторые аспекты их реализации в связи с вооружёнными конфликтами [Antonov A. (2015). Requirements of «Effective Investigation» of Crimes and some Aspects of their Implementation regarding Military Conflicts Resolution] // *Международное правосудие*. № 2 (14). С. 100–114.
- Бауринг Б. (2021). Дегградация международного права? Реабилитация прав и возможность политики [Bowring B. (2021). Degradation of the International Law? Rehabilitation of Rights and Possibility of Politics]. — М.: НЛО.
- Биллебру Е.В. (2016). Новые подходы к оценке нейтральности арбитров в международном коммерческом арбитраже [Billebro E. (2016). New Approaches to the Neutrality in International Commercial Arbitration] // *Международное правосудие*. № 4 (20). С. 42–53. DOI: 10.21128/2226-2059-2016-4-42-53.
- Владимирофф М. (2012). Рассуждения о статусе защитника в международных судебных разбирательствах [Vladimiroff M. (2012). Deliberations on the Status of Defense Counsel in the Practice of International Courts] // *Международное правосудие*. № 3 (4). С. 62–70.
- Гуласарян А. (2018). Международные организации и разрешение споров: некоторые проблемы, тенденции и перспективы развития [Gulasarian A. (2018). International Organizations and Dispute Settlement: Some Issues, Trends and Prospects] // *Международное правосудие*. № 2 (26). С. 28–43. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-2-28-43.
- Дегтярев К. (2014). Временные меры в межгосударственных спорах: угроза или новая возможность? [Degtyarev K. (2014). Provisory Measures in Inter-Government Relations: Threat or a New Possibility?] // *Международное правосудие*. № 4 (12). С. 24–31.
- Евсеев А. (2017). Гибридные суды как институт транзитивного правосудия [Yvseev A. (2017). Hybrid Courts as an Institute of Transitional Justice] // *Международное правосудие*. № 3 (23). С. 47–61. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-3-47-61.
- Евсеев А. (2020). Переходное правосудие в Колумбии: нереализованный потенциал [Evseev A. (2020). Transitional Justice in Colombia: Unrealized Potential] // *Международное правосудие*. № 4 (36). С. 77–99. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-77-99
- Исполинов А. (2017). Исполнение решений международных судов [Ispolinov A. (2017). Compliance with the Judgments of International Courts: Theory and Practice] // *Международное правосудие*. № 1 (21). С. 45–67. DOI: 10.21128/2226-2059-2017-1-45-67.
- Ковлер А., Дегтярев К. (2014). Вынесение временных мер в практике международных судов [Kovler A., Degtyarev K. (2014). The Role of Provisory Measures in Practice of International Courts] // *Международное правосудие*. № 4 (12). С. 3–5.
- Кириш Э. (2013). Два элемента в механизме правосудия переходного периода: международные уголовные суды и комиссии по установлению истины [Kirsh E. (2013). Two Elements in the Mechanism of Transitional Justice: International Criminal Courts and Evidence Proof Commissions] // *Международное правосудие*. № 2 (6). С. 74–87.
- Медушевский А.Н. (2020). Глобальный конституционализм: интеграция или фрагментация международных отношений в условиях экономического кризиса? [Medushevskiy A.N. (2020). Global Constitutionalism: Integration or Fragmentation in the Period of Economic Crisis?] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 96–115. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2020_3_96_115.
- Медушевский А.Н. (2023). Кризис международного права и украинский конфликт [Medushevskiy A.N. (2023). The Crisis of International Law and Ukrainian Conflict] // *Неприкосновенный запас*. № 1 (147). С. 53–69.
- Медушевский А.Н. (2025). Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 1) [Medushevskiy A. (2025). International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 1)] // *Вопросы теоретической экономики*. 2025. № 2. С. 130–143. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_2_130_143.

- Мезе Э. (2016). Как суды интерпретируют и пишут историю: из опыта Международного трибунала по Руанде [Mese E. (2016). Courts as Interpreters and Writers of History: Experiences from the ICTR] // *Международное правосудие*. № 4 (20). С. 54–61. DOI: 10.21128/2226-2059-216-4-54-61.
- Нелаева Г., Сидорова Н., Хабарова Е. (2019). Международное правосудие как предмет оспаривания: кризис международных уголовных судов? [Nelaeva G., Sidorova N., Khabarova E. (2019). International Justice as a Contested Domain: a Crisis of International Criminal Courts?] // *Международное правосудие*. № 2 (30). С. 93–106. DOI: 10.21128/2226-2059-2019-2-93-106.
- Нуссбергер А. (2022). *Европейский Суд по правам человека* [Nussberger A. (2022). The European Court on Human Rights]. — М.: ИППП.
- Печегин Д. (2020). Теория и практика сочетания моделей процесса в деятельности Палаты предварительного производства Международного уголовного суда [Pechegin D. (2020). Theory and Practice of Mixing Procedural Models in the Pre-trial Chamber of the International Criminal Court Mechanism of Functioning] // *Международное правосудие*. № 4 (36). С. 100–111. DOI:10.21128/2226-2059-2020-4-100-111.
- Право Европейской конвенции по правам человека (2018) / Харрис Д., О'Бойл М., Уоррик С. (Изд.) [Law of the European Convention on Human Rights (2018). D. Harris, M. O'Boile, C. Warbrik (Eds.)]. — М.: Развитие правовых систем.
- Сантулли К. (2018). Права человека и инвестиционное право: инициирование процедуры [Santulli C. (2018). Human Rights and Investment Law: Initiating of the Procedure] // *Международное правосудие*. № 2 (26). С. 123–136. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-2-123-136.
- Саяпин С. (2012). Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы [Sayarin S. (2012). The Definition of Aggression as Criminal Act and National Systems of Criminal Law] // *Международное правосудие*. № 1 (2). С. 87–97.
- «Совесть Европы» в действии: 350 решений Европейского Суда по правам человека (2019) / М.Т. Тимофеев, Н.М. Секретова (Ред.) [«Conscience of Europe» in Action: 350 Decisions of the European Court on Human Rights (2019) / М.Т. Timofeev, N.M. Sekretova (Eds.)]. — М.: ИППП.
- Солнцев А., Конева А. (2013). Юридический статус договорных органов по правам человека в национальных правовых системах [Solntsev A., Koneva A. (2013). Legal Status of International Organs for Human Rights Protection in National Legal Systems] // *Международное правосудие*. № 4 (8). С. 82–93.
- Тити К. (2015). Арбитр как нормотворец: правотворческий процесс в инвестиционном арбитраже [Titi K. (2015). Arbitrator as a Norm-creator: Contradictory Process in Investment Arbitrage] // *Международное правосудие*. № 2 (14). С. 85–99.
- Трикоз Е. (2012). Решение Палаты предварительного производства I Международного уголовного суда «О ходатайстве Прокурора на основании статьи 58 Статута в отношении Муамара Мохаммеда Абу Маньяра Каддафи, Сейфа аль-Ислама Каддафи и Абдуллы аль-Сенусси от 27 июня 2011 г.» [Trikoz E. (2012). Decision of Pre-Trial Chamber I of the International Criminal Court «On the Prosecutor's Motion under Article 58 of the Statute in respect of Muammar Mohammed Abu Manyar Gaddafi, Saif al-Islam Gaddafi and Abdullah al-Senussi of 27 June 2011»] // *Международное правосудие*. № 1 (2). С. 33–45.
- Трунк-Федорова М. (2019). Решение споров в рамках соглашений о свободной торговле: альтернатива механизму Всемирной торговой организации? [Trunk-Fedorova M. (2019). Dispute Settlement under Free Trade Agreements: an Alternative to the Mechanism of the World Trade Organization?] // *Международное правосудие*. № 3 (31). С. 102–113. DOI: 10.21128/2226-2059-219-3-102-113.
- Ушацка А. (2014а). Международный уголовный суд [Ushatska A. (2014a). International Criminal Court] // *Международное правосудие*. № 3(11). С. 50–62.
- Ушацка А. (2014б). Международный уголовный суд [Ushatska A. (2014b). International Criminal Court] // *Международное правосудие*. № 4 (12). С. 53–67.
- Фонтанелли Ф. (2014). Временные меры в ситуации вооружённого конфликта: практика Международного Суда ООН [Fontanelli F. (2014). Provisory Measures in the Situation of Military Conflict: Praxis of UN International Court] // *Международное правосудие*. № 4 (12). С. 42–52.
- Хрдличкова И. (2019). Уникальные правовые свойства Специального трибунала по Ливану [Hrdlickova I. (2019). Unique Legal Features of the Special Tribunal for Lebanon] // *Международное правосудие*. № 4 (32). С. 103–110. DOI: 10.21128/2226-2059-2019-4-103-110.
- Чанг-фа Ло. (2014). Создание в Азии постоянно действующих региональных служб содействия урегулированию торговых споров [Chang-fa Lo (2014). Creation of the permanent Regional Bodies of Commercial Disputes Solution in Asia] // *Международное правосудие*. № 2 (10). С. 122–131.
- Шабас У. (2012). Первые десять лет Международного уголовного суда [Shabas U. (2012). First Decade of the International Criminal Court] // *Международное правосудие*. № 2 (3). С. 5–16.
- Diggelmann O. (2018). The Internationalists as Grand Narrative: Key Elements and Dilemmata // *Global Constitutionalism*. Vol. 7. No. 3. P. 297–314.
- Global Constitutionalism and East Asian Perspectives* (2020). / T. Suami, A. Peters, D. Vanoverbeke, M. Kumm (Eds.). — Cambridge: Cambridge University Press.
- Hathaway O.A., Shapiro S.J. (2017). *The Internationalists: And Their Plan to Outlaw War*. — London: Allen Lane.
- Shifting Paradigms in International Investment Law* (2016). / S. Hindeland, M. Krajewski. (Eds.). — Oxford: Oxford University Press.

- Steinberg R.H. (2024). Politics and Justice at the International Criminal Court. UCLA LAW, Public Law Research Paper Pp. 24–34. 23.09.2024. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4965347
- The Politics of International Criminal Law* (2021). H. Cullen, P. Kastner, S. Richmond (Eds.) / University of Western Australia: Brill / Nijhoff.
- The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary* (2016). O.K. Triffterer, A. Ambos. (Eds.). — Oxford: Hart.
- Walzer M. (2007). *Thinking Politically. Essays in Political Theory*. — New Haven and London: Yale University Press *.

Медушевский Андрей Николаевич

amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy

Doctor of Science (Philosophy), Tenured Professor Higher School of Economics (Moscow)

amedushevsky@mail.ru

INTERNATIONAL JUSTICE IN SEARCH OF A BALANCE BETWEEN LAW AND POLITICS

Abstract. The crisis of international law demonstrates the growing instability in international relations regarding such areas as legitimacy versus legality, fragmentation versus integration, and legal asymmetry versus symmetry. The potential of these changes is so high, that makes it possible to put under question the continuity of the basic social contract — international consensus achieved between super-states after the end of the Second World War, and represented in the UN Charter and Statute of the International Court of Justice. The lost balance in international relations means the great challenge to the whole system of international justice, which should be the guardian of the international norms implementation, from the one hand, and neutral and effective instrument of legal mediation between conflicting actors, from the other. Observing conflicting trends and difficulties of the current international justice, the author consider the prospect of a new balance as achieved by complex of legal, extra-legal, and political mechanisms for the establishment of the more sustainable international justice.

Keywords: *international law, international justice, international and national courts, conflict of competences, criminal justice, transitional justice, politics of law.*

JEL: K33, K38, K40.

* Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России.